Согласно распространенному представлению, институт защиты прав человека стал формироваться исключительно в постсоветский период развития нашей страны. Бесспорно, само понятие – относительно позднего происхождения, однако это не отрицает возможности выполнения защитных функций теми или иными органами государственной власти либо общественными институтами не только на советском, но и на досоветских этапах отечественной истории.

Институты защиты прав человека в истории **российской** государственности

Татьяна ЛАВРЕНТЬЕВА
– преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин Муромского института Владимирского государственного университета,
соискатель кафедры истории и политологии Волго-Вятской академии государственной службы

Изучение проблем защиты прав человека носит междисциплинарный характер. Свой весомый вклад вносят такие науки, как юриспруденция, политология, социология, различные общественные антропологические дисциплины – историческая антропология, политическая антропология, юридическая антропология. Поведение человека исследуют такие разделы психологии, как историческая психология и политическая психология.

Важность исторического исследования по проблематике прав человека предопределяется необходимостью познания истоков как самого института защиты прав человека, так и проблем, противоречий, сопутствующих его развитию на современном этапе.

В нашем сознании недостаточно разграничены понятия «права человека», «защита прав человека», «институты защиты прав человека»; «человек», «личность», «гражданин», «общество» и «гражданское общество». Поэтому стремление доказать наличие институтов гражданского общества в российской государственности встречает сопротивление как со стороны крайних западников, полагающих, что в России в силу специфики ее развития (отсутствия, в отличие от Западной Европы, городского самоуправления в Средние века, парламента – в эпоху Возрождения) и не могло возникнуть идентичных западноевропейской традиции институтов гражданского общества, так и со стороны

крайних славянофилов, убежденных, что концепция гражданского общества направлена на разложение российской идентичности, смену ментальности, поэтому не только не нужна, но и опасна.

То же касается и конкретных проблем развития институтов защиты прав человека как составной части гражданского общества: если крайние западники полагают, что права человека в российской истории всегда были подчинены воле государства, то крайние славянофилы считают, что концепция прав человека противоречит православной традиции.

Авторы работ по проблемам защиты прав человека, появившихся в последние полтора десятилетия, в большинстве своем начинают описание проблемы с появления в России в 1991 г. института уполномоченного по правам человека (омбудсмана)*, игнорируя многовековую историю борьбы за права человека в российской государственности.

Другой распространенный стереотип состоит в том, что появление концепции прав человека связывают обычно с французскими просветителями XVIII в., хотя в той или иной форме эта проблематика затрагивалась выдающимися мыслителями задолго до «Века просвещения».

Неоправданно суживается и проблема гражданского общества. Исследователи зачастую сводят его исключительно к либерально-западной традиции.

Бесспорно, нельзя отрицать тот факт, что в российской политико-правовой мысли отражается традиционно присущее отечественной ментальности стремление к коллективизму как в формах бытового сожительства, так и в осмыслении теоретических явлений. Понятия «соборность», «симфония», столь типичные для российской традиции, подразумевали именно растворенность личности в общем деле и общем благе. Личность в российской политико-правовой традиции воспринималась как производное от сообщества, коллективизма, его неотъемлемая часть. Кроме того, традиционны для отечественной мысли государствоцентристский тип мышления и властепочитание.

На всем протяжении отечественной истории сохранялось своеобразие собственнических отношений, когда, например, крестьянин принимает государственную землю за свою и начинает ее делить, продавать, завещать; государство же путает частную собственность (принадлежащую купцам, заводчикам и т.д.) со своей и тоже начинает ею распоряжаться. Эти своеобразные взаимоотношения между властью и собственностью исторически присущи российской политической системе, независимо от смены общественного строя. В царской России государственная власть лишала купцов или промышленников собственности, давала преференции. В отличие от западной политической традиции смена правителей не предполагала не только неприкосновенности подданных, но и неприкосновенности их имущества.

В силу особого положения в России православия значительный интерес представляет позиция православной церкви в отношении проблематики прав человека. Это не простой вопрос, но все же следует признать, что церковь рассматривает данную проблему и порожденные ею защитные институты

* Институт омбудсмана — частный случай института защиты прав человека. Он сосредоточен только и исключительно на защите прав человека, не обладая какими-либо иными функциями (распределительными, законодательными и тем более карательными).

как привнесенные в нашу страну искусственно, извне.

Само понятие «гражданин» возникло в древнерусском языке. Правда, изначально так называли жителя города («града»), и лишь затем оно расширилось до обозначения всех жителей государства. В любом случае такая трактовка коренным образом отличалась от сложившегося в современной науке представления о гражданине как о носителе комплекса прав и свобод, который активно защищает их и вместе с тем осознает свою ответственность за соблюдение обязанностей.

Понятие «защита прав человека» напрямую соотносится и с выборным началом, развитием представительных (в той или иной степени) органов. Поэтому в истории российской государственности выборные органы практически всегда можно рассматривать как защитные институции с позиции прав личности в социуме.

Включенность человека в систему сословно-иерархических отношений подразумевала его социально-правовую защищенность и вместе с тем – ограниченность его прав, а также обязательства социальных институтов перед личностью.

Одним из основных таких общественных сословных институтов, выполнявших по необходимости защитные функции, была община. Она брала на себя и функции «социального обеспечения»: призрение малолетних сирот, содержание одиноких калек и престарелых. Община вмешивалась в семейные отношения крестьянского двора (наследование, опека, семейные разделы, назначение главы семьи – «большака»), страховала на случай неурожая, пожара, при несчастных случаях брала на себя долги своих членов, помогала новобрачным и новорожденным, за молодоженов три года платила налоги. Она же, с другой стороны, усредняла уровень жизни людей.

Община предоставляла своим членам как экономические, так и гражданские права: возможность избирать руководство и максимальное самоуправление в ее пределах. При этом государство очень мало вовлекалось во внутреннюю жизнь общины и тем более ее конкретных членов.

Нераздельность прав означала и нераздельность обязанностей внутри общины. Именно община несла коллективную, совокупную ответственность, в том числе и за преступления своих членов.

Разрастание функций государства закономерно требовало все большего вмешательства государства в дела местного самоуправления: государство начинает подминать под себя и заставлять служить своим интересам крестьянскую общину. На нее уже в XVI в. были возложены тягловые функции – разверстка, исполнение разнообразных повинностей, сборов – и с течением времени она все больше стала превращаться из органа местного самоуправления в низшее звено государственного управления. Это подчеркивало нарастание процессов централизации и унитаризации власти.

Защитные механизмы приобретали с течением времени все более иерархический, сословный характер. Правовая защищенность напрямую связывалась с принадлежностью к той или иной группе населения и ранжировалась в зависимости от положения этой группы в обществе.

Таким образом, во-первых, те или иные формы институтов защиты прав человека были органически присущи российской государственности на всех этапах ее развития; во-вторых, эти институты отличались от форм, сложившихся в западной правозащитной традиции.